

Аксютин Ю.В.

Я согласен с озвученным здесь тезисом о том, что тогда, 15 лет назад, многие полагали, что так будет лучше. Сам был среди таких. И хочу поделиться некоторыми соображениями социально-психологического порядка, отражавшие настроения, которые с некоторой оговоркой можно расценить как сепаратистские, во всяком случае направленные против союзного центра, против Москвы. И что важно, эти настроения имели место именно среди русских людей.

Да, в краях системы и развал Союза мало что верил. А ведь были же признаки, которые теперь, задним числом, можно определить, как некие свидетельства предопределённости этого развала.

Сама эта система, называвшая себя советской, а по своей сути бывшая революционной и военно-мобилизационной, прекрасно показала все свои преимущества в Гражданской и Великой Отечественной войнах. Ей по силу оказались осуществление таких сверх-программ модернизации как план ГОЭЛРО, возведение индустриальных гигантов, социальный переворот в деревне, приведший к ликвидации крестьянства, атомный и ракетный проекты. Оставался бы жить ещё несколько лет Сталин, и железнодорожный путь проложили бы от Белого и Баренцева морей к Охотскому и Японскому с тоннелем на Сахалин. И разве люди этим не восхищались? Разве не восклицали: «Вот что мы можем!»

Но задумывались ли люди над тем, за счёт чего достигаются все эти успехи, о застое и даже упадке многих секторов народного хозяйства, о социальной цене подобных экономических побед? И уж совсем им в голову не приходило оглянуться на всемирную историю и увидеть, что она развивается отнюдь не прямолинейно, что любая революция заканчивается контрреволюцией, что вслед за катастрофическим наводнением (чаще всего стихийным) следует сознательное восстановление дамб и плотин. Уже одно только слово «термидор» нас, с молоком впитавших в себя марксизм-ленинизм, казалось нам неким исчадием ада. И наши вожди, оседлавшие революционную волну, продолжали гнать её изо всей мочи дальше, хотя в этом уже давным-давно не было никакой надобности.

А между тем всё очевиднее становилось, что система, так эффективно действовавшая в чрезвычайных ситуациях и на коротких временных промежутках (не более 5 лет), начинает давать сбои на длинных дистанциях, в обычных, мирных условиях. Невозможность действительно решать повседневные задачи наиболее ярко показал застой, но это уже проявился во время Хрущева. И, естественно, вставал вопрос, что с ней делать, реформировать ли её, приспособлявая к новым условиям, или полностью от неё отказаться.

Можно долго рассказывать о бесчисленных проявлениях термидора, сопровождавших всю историю советской власти. Напомню только некоторые из них: интеллигентский саботаж к концу 1917 – начале 1918 гг, повсеместное зелёное движение крестьян, рабочие волнения весной и летом 1918 г. и волны зимой 1921 г., Кронштадт, повсеместное ожидание интервенции как избавления от большевистского ига в течение всех 20-х гг. Конечно были и фанатично преданные коммунистическим идеям люди. Кого было больше и кого меньше, - трудно судить. Но тоталитарная система, и в этом заключалось ещё одно её достоинство, умела мобилизовать всех без исключения в ряды бойцов за революционное преобразование мира. Этому способствовал и культ личности. Сам факт обожествления вождя свидетельствовал об определённом (довольно низком для цивилизации XX века) социо-культурном уровне развития общества. И надо признать, что это обожествление (если говорить о личности Сталина) явилось не только следствием тотальной пропаганды и тотального страха. Для многих Сталин (как и в своё время Иван Грозный) представлялся как своего рода меч божий, обрушившийся на ненавистное большевистско-советское божество. И Хрущёв, пытаясь очистить систему от сталинских, как ему казалось, крайностей, невольно, но существенно облегчил её последующий демонтаж: во-первых, разоблачением культа лишив эту систему весьма важной идеократической опоры, а во-вторых, избавив людей (и прежде всего аппарат) от страха за свою жизнь, он другого стимула для работы на износ не дал. В результате этого быллой революционный и военно-мобилизационный тоталитаризм всё больше заменялся оппортунистическим авторитаризмом, эффективность которого было на порядок ниже. Наиболее наглядным символом этого заметного всем одряхления советского строя стал Брежнев. Его здоровый цинизм позволял ему продолжать эксплуатировать революционное прошлое, не предпринимая никаких практических шагов, чтобы привести систему в состояние, при котором она бы была способна отвечать на новые вызовы времени. Боязнь перемен и стремление к стабильности во что бы то ни стало вполне естественно привели к застою.

Народ никогда не жил так хорошо, как в то время. Но хотелось бы ещё лучше, как на «гнилом» Западе. В народ этот теперь был довольно грамотный и стал способным к рефлексии. Здесь уже упоминалось имя эмигранта Н.Н.Алексеева. Мне хотелось бы напомнить аудитории о нём – вот в какой связи. Побывав на манифестации в защиту Учредительного Собрания, устроенной 3 декабря 1917 года в Москве Союз инженеров и исполкомом Совета депутатов трудовой интеллигенции, он в напечатанной несколько дней спустя статье обречённость подобных попыток сопротивления большевизму видел в составе манифестантов: «Самые настоящие "цензовики", не ниже четырёхклассного городского училища. А все остальные – имя им миллион – они с народными комиссарами и с настоящей "народной властью"». Во взгляде на сложившуюся тогда в стране ситуацию этот известный правовед оказался зорче большинства своих коллег. Как бы извиняясь перед ними, он делится таким, как он оговаривается, «лукавым» политическим прозрением, часто возникавшем у него в то время: «Мне начинает казаться, что так называемый большевистский режим субстанционально есть более органическая вещь, чем нам это в ослеплении нашем кажется». Поистине трогательной представлялся ему вера, с какой принимал тёмный народ русский большевистскую хирургию: «Он глубоко верит, что нынешний режим есть режим заправский, в котором правда-истина соединилась с правдой-справдливостью». И ничего тут не могут изменить ссылки на победу эсеров на выборах в Учредительное Собрание: эту победу Алексеев объяснял в значительной мере тем, что на "местах" ещё не успели дойти до большевизма. «Если бы дошли, голосовали бы за большевиков, ибо это куда ближе и куда доступнее». А вывод отсюда надлежит сделать такой: большевизм, пожалуй, прочнее, чем думают некоторые его противники. Касаясь разговоров о том, что народ обманули, ввели в заблуждение, этот будущий эмигрант писал: «Конечно, обманули, но есть обман и обман. Большевистский обман на руку самым дурным чувствам и инстинктам русского народа. На этих инстинктах, конечно, не построишь государства, однако на них довольно продолжительное время может держаться политическое бытие революционной эпохи». Какой же может быть эта продолжительность? Алексеев прогнозировал её следующим образом: «Большевистская хирургия в её временном бытии может кончиться или тогда, когда воры перережут друг друга, или тогда, когда "цензовики" сумеют противопоставить большевизму физическую силу. Но в плане "нуменальном" большевизм кончится тогда, когда вся Россия получит образование не ниже городского училища и превратится в государство тех "цензовиков", представители которых дефилировали по Тверской 3-го декабря».

Как нам сейчас известно, «цензовики» в ходе гражданской войны не сумели противопоставить большевистским хирургам физическую силу. Напрасными оказались и надежды на то, что «воры перережут друг друга». Но ликвидировав массовую безграмотность (а это, признавал Ленин, есть непременное условие успешного строительства нового общества) и выращивая свою собственную, рабоче-крестьянскую, интеллигенцию, советский строй выращивал в её лице своего собственного могильщика. 164 миллиона человек (70 % населения СССР) имели уже образование выше начального. Из них 20 миллионов имели дипломы вузов! И мы этим законом гордились. Мало того, так как нам невыгодно было сравнивать уровень жизни с капитализмом, мы старались сравнивать образ жизни, включая возможности образования, здравоохранения и социального обеспечения, то есть возможности для развития личности. Но парадокс заключался в том, что как только личность в своём развитии выходила из эмбрионального состояния, для неё становилось жизненно важным свободно выразить себя. Но тут получалась загвоздка. И вот вот уже 200 тысяч человек выходят на Манежную площадь и скандируют: «КПСС, дай порулить!»

Не малую роль в крахе советской системе следует отвести и аппарату. Ещё маркиз де Кюстин в своё время отмечал такой феномен: с кем из российских бюрократов (начиная с коллесского асессора и кончая самим императором) не поговорить по душам, он, оказывается, не согласен с существующим порядком. Это оппозиционное качество сохранилось и советских функционеров. Так что в ночных посиделках на кухне в брежневские и последующие времена весьма часто преподаватель, врач и инженер сливались в едином экстазе осуждения с партийным или государственным чиновником.

Одномерное тоталитарное сознание ослабевало и по мере того, как в железнм занавесе стали одна за другой появляться огромные щели и состояние, будто мы находимся в осаждённой крепости, уходило в прошлое. Правда, многочисленным соблазнам, увиденным нами в эти щели, довольно успешно противостояло (вернее компенсировало естественное чувство зависти), гордость (с оттенком злорадности) от того, что осаждающие боятся нас, осаждённых, но вооружённых до зубов и громко заявляющих, что с нами лучше не шутить. Но этот ресурс корреляции массовых настроений имел известные пределы как во времени, так и по остроте воздействия. Ещё слабее оказался ресурс, заключающийся в гордом ощущении величия Союза ССР. Он постоянно и неуклонно подвергался разрушительной коррозии и вытеснялся чувством сомнения: а не слишком ли чрезмерна тяжесть имперского бремени?

Отрицательно воздействовали на сознание способные думать людей и неудачные попытки приступить к реформированию советской системы. Ведь многие из них, если не большинство, и я в их числе, испытывали иллюзии, будто такое возможно. Здесь говорилось о Косыгине. Легенда создала вокруг этой фигуры ореол крупного государственного деятеля и реформатора. Насчёт первого не стану спорить, а вот по поводу второго хочу высказать своё мнение. Обычно неудачу предпринятой по его инициативе реформы управления промышленностью и строительством объясняют противодействием партийного аппарата. Да, он не был борцом и уступил Брежневу в соперничестве за лидерство. Но следует учесть ещё одно обстоятельство. Не будучи революционером и оставаясь в глубине души сталинистом, Косыгин в конце концов согласился с тезисом Брежнева и всего Политбюро, что лучше эту систему, пока она худо-бедно работает, не трогать. Насколько я себе представляю, сам премьер, побывав с разведывательной целью в мае 1968 года в Чехословакии, наглядно убедился в том, насколько опасным может быть процесс, запущенный верхами, но приобретший собственную (термидорскую) логику. И потому, наверно, вопреки расхожим тогда слухам, стал ярым сторонником интервенции, воздействуя соответствующим образом вместе с Андроповым на проявлявшего нерешительность Брежнева. Тогдашние наши руководители пуще чёрта боялись, что процесс пойдёт и станет неуправляемым. И Косыгин в этом смысле мало чем отличался от своих коллег. И потому больше к вопросу реформ не возвращался. А вот Михаил Сергеевич попробовал, и «процесс пошёл»...

Что же касается китайского примера, о котором такого прекрасного мнения Федор Михайлович, то мне кажется, что говорить о его применимости к нашим условиям в 80-е годы нельзя по двум причинам. Во-первых, колоссальная разница в эровых социально-экономического развития. И сейчас Китай по этому параметру можно сравнить разве что с СССР хрущёвского времени. А во-вторых, нет никаких гарантий того, что китайцы, достигнув того же уровня благосостояния, что и мы к началу 80-х, не потребуют от КПК поделиться властью. И тогда КНР, как государство, ждёт довольно мрачные перспективы. Я глубоко в этом уверен. И своим студентам говорю: подождите, вот наступит там демократия, и к чертовой матери всё у них распадется. Ибо нет единой китайской нации, как и не было не было новой национальной общности «советский народ» в СССР. Поговорите с китайцами, которые знают, что такое Китай. Это конгломерат этносов с довольно различающимися друг от друга языками. Не будем говорить о Тибете, Восточном Туркестане и Внутренней Монголии. Возьмём Южный Китай. Вас, может быть, удивит, что население его в значительной части этнически ближе к вьетнамцам, чем к жителям бассейна Янзы, язык которых отличается от языка жителей бассейна Хуанхэ сильнее, чем русский от украинского. Недаром Мао Цзэдун отказался в своё времени от перехода латинский алфавит, когда он убедился, что китайцы не могут понять друг друга без помощи иероглифов.

Реплика. А почему Индия не раздваивается? Она тоже многоязычна, а к тому же и не монорелигиозна.

Аксютин Ю.В. Это особый тип. Там не советская, не революционная, не военно-мобилизационная система заложена, а британская, эволюционная и изначально демократическая – я так считаю. Но, признаю, это спорный вопрос, и здесь мне говорить с абсолютной уверенностью трудно.

И вновь хочется вернуться к вопросу об имперском бремени, тяжесть коего чем дальше, тем больше ощущалась в сознании российской интеллигенции. Понятное дело - интеллигенция национальных окраин. Она носитель национальной самозащиты. Не было у туркмен интеллигенции, и они не знали, что они туркмены. И приписали себя либо к какому-нибудь племени (текинцы, йомуты и т.п.), либо считали себя просто мусульманами. Так было и до покорения русскими и некоторое время после. А вот, когда появилась собственная интеллигенция, выращенная советской властью, она сразу же стала интересоваться: «А почему это у нас наркомы и министры – армяне, евреи?» Не было узбеков, простите, до 1925 года, а были оседлые сарты и полукочевые турки. И кто знает, может быть они и

сей час бы так себя называли, не будь целенаправленной политики большевиков, которые создали там, в Средней Азии, и национальную государственность и национальную элиту.

Однако имперское бремя проявлялось не столько в расходах на эту цивилизаторскую миссию, сколько в своеобразном и ни где до сих пор не виданном неэквивалентном обмене. Почитайте, что об этом говорили Ленин со Сталиным на X съезде РКП(б) в 1921 году. Если в обыкновенной империи метрополия выкачивала все ресурсы и готовую продукцию из колоний, то у нас вышло всё наоборот. Мы строили текстильные комбинаты в Ташкенте и Сталинабаде, рабочих туда посылали. И вообще узбекский и таджикский хлопок нам стоил дороже, чем если бы мы покупали его в Судане. Вот каким был неэквивалентный обмен в СССР.

Как-то, будучи на Сахалине, мне не раз приходилось быть свидетелем разговоров между людьми, которых трудно было отнести к обывателям: работниками совнархоза и правоохранительных органов. Они недоумевали: «Селедки и другой рыбы – вдоволь, красная икра крабы есть, лес ещё не весь вырубил. Японцы нам оставили 14 целлюлозно-бумажных комбинатов, бумага и картон экспортируются не только в Японию, но и в далёкую Италию. Почему же сами мы живём на одной сухой картошке? Если бы мы были независимыми от Москвы, то жили бы не хуже, чем в Исландии». Десять лет спустя нечто подобное я слышал в Челябинске, будучи там в командировке от журнала «Молодой коммунист». Единственным местом в городе, где можно было сытно и вкусно поесть тогда, была столовая обкома партии. И вот что мне по этому поводу говорили работники обкома комсомола (тогда его возглавлял Виктор Поляничко): «У нас металла много, трактора есть, своим хлебом соседей кормим. Почему же сами полуголодными живём? Вот где были эти настроения. Была бы Челябинская область самостоятельной!.. Не пропали бы...»

Реплика. Грабительский центр.

Аксютин Ю.В. Да, грабительский центр. Другой вопрос, почему он всё под себя мёл без остатка? Конечно много шло на нужды военно-промышленного комплекса, но были и другие расходы. Причём немалые. И не только на безвозмездную помощь нашим клиентам во всех частях света. Республикам союзным и автономным тоже немало доставалось. Это сейчас мы видим, насколько они бедны и знаем, зачем сотнями тысяч к нам хлынули. А раньше они в РСФСР в таком количестве не приезжали, потому что мы всё время подкармливали их и очень здорово подкармливали.

Об этом, кстати, в сентябре 1989 года, в порядке подготовки к так и не состоявшемуся пленуму ЦК КПСС по национальному вопросу, была двухдневная дискуссия в Московской высшей партийной школе. Помимо профессоров и доцентов в ней участвовали и слушатели – инструктора райкомов партии и т.д. И большинство склонялось к выводу о необходимости и даже полезности освобождения от тягот имперского бремени: «А, может быть, нам от этих тубетеек отделиться? И тогда мы, русские люди, получше жить будем?» Как видим, такого рода настроения присутствовали не просто в интеллигенции, а и в партийно-интеллектуальной элите. Так что озвученный Ельциным полгода спустя лозунг о суверенитете пал на неплохую удобренную почву.

Логинев В.Т. (не в микрофон)...Почему со второго места на 52-е скатились, когда ...?

Аксютин Ю.В. Это для меня трудный вопрос. Не берусь судить о причинах экономического спада и социальной неустойчивости последних лет. Слишком коротка временная дистанция для историка. Может быть, кто-то другой – экономист или социолог – здесь об этом что-то аргументировано сможет сказать. Я же просто свидетельствую о настроении, характерном для значительной части российской интеллигенции тех далёких уже советских лет.

Что же касается перестройки и её оценок, то и в этом вопросе, мне кажется, рано ещё истории выносить свой приговор. Лично я от её начала и до конца числил себя в сторонниках Михаила Сергеевича, Горбачёва, хотя и не все его действия были мне понятны. Так же как и присутствующий здесь Михаил Филиппович Шатров, я недоумевал по поводу того, что президент СССР не ведает о том, что творят военные в Вильнюсе. Не понравилась мне формулировка, предложенная им на референдум о сохранении Союза. Мне казалось, что лучше было бы, если генсек на последнем съезде согласился бы с предложением А.Н.Яковлева мирно разойтись с ярко кранными консерваторами, поделив с ними партию и её имущество в зависимости от того, сколько её членов за кем пойдёт. По некоторым сведениям, полученным мною от слушателей МВПСШ, в некоторых районах готовились к такому шагу и проводили соответствующие опросы. И если верить результатам этих опросов (это, разумеется, слишком грубый допуск), то выходило, что из 16 миллионов тогдашних членов партии около 10 миллионов («болото») предпочли в такой ситуации отказаться от выбора и сделались бы беспартийными, а оставшиеся 6 миллионов распределились бы так: 3,5 или 4 миллиона пошли бы дальше за Горбачёвым, а 2 или 2,5 миллиона – за людьми типа Лигачёва и Полозкова. И уж совсем горько мне было видеть (это всё показывалось по телевидению), как Горбачёв подписывает указы, которые протягивает ему торжествующий после провала ГКЧП Ельцин... И всё же, и всё же... Спасибо ему. Михаилу Сергеевичу, за то, что он сделал меня свободным человеком, за то, что я перестал бояться секретаря парткома, который строго спрашивал меня: «Что это вы там в лекции по истории КПСС говорили про Николая II?» Или: «Что вы имели в виду, когда, выступая на торжественном собрании, посвящённом 104-й годовщине со дня рождения Ленина, цитировали его слова, что вот, мол, если не побороть бюрократов, будут нас вешать на вонючих верёвках? Откуда вы взяли такую цитату? И на что намекаете?» И т.д., и т.п. Слава богу, теперь возвращение к этому навряд ли возможно. Но, к сожалению, мы тоже испытание свободой, демократией не выдержали. Вот всё, что я хотел сказать.